

Александра Ушакова

*Ягиня из бухгалтерии. И
пришёл порядок*

Ягиня из бухгалтерии.

Александра Ушакова

**Ягиня из бухгалтерии.
И пришёл порядок**

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Ягиня из бухгалтерии. И пришёл порядок / А. А. Ушакова —
«Автор», 2026 — (Ягиня из бухгалтерии.)

Кощей похищает Аду, насильно предлагая ей «брак» как способ контроля над её дочерью Алией — опасной аномалией в его идеальной системе. В ответ семья и союзники объявляют войну. Черномор, старый воздыхатель Ады, вспоминает древнее право первой помолвки, чтобы оспорить притязания Кощея. Алия, чей холодный расчёт сменился яростью, вместе с богатырём Святомиром, домовым Баюном и его семьёй отправляется в Зелёные Дубы — Рощу Первых Обетов. Их цель — доказать старую клятву и вернуть мать, пока её молчаливое сопротивление не сломлено. Война из хитрых стратегий превращается в крестовый поход, где на кону стоит не порядок мироздания, а простая человеческая семья.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 7.	5
Глава 1. Тишина перед бурей	5
Глава 2. Уроки и испытания	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ягиня из бухгалтерии. И пришёл порядок

Книга 7.

Глава 1. Тишина перед бурей

Утро в Доме Баюна не имело расписания. Оно текло, как мёд с ложки – медленно, тягуче, со своим особым ритмом, который не подчинялся ни часам, ни солнечным лучам, ни даже воле хозяев. Дом сам решал, когда рассвету пробиться сквозь резные ставни, когда половицам скрипнуть под чьей-то ногой, когда печи задышать теплом, а когда – затаиться, давая своим обитателям ещё немного этой драгоценной, ничем не измеряемой тишины.

Ада сидела на кухне. Это место было сердцем дома, его живым, пульсирующим центром, где запахи переплетались со временем, а время – с памятью. Здесь пахло мятой, сушёными травами, висящими пучками под потолком, старой древесиной, впитавшей тепло десятков зим, и чем-то ещё, неуловимым – тем самым, что делало этот дом не просто убежищем, а пристанищем. Возможно, это был запах самой Ольги, домовой, которая ткала свою магию так же естественно, как дышала. Или, может быть, это пахла сама земля под фундаментом – древняя, мудрая, помнящая времена, когда здесь ещё не было стен, а только лес да ветер.

Она прижала ладони к горячей фарфоровой чашке. Тепло шло вверх по пальцам, по запястьям, дальше – туда, где в груди всё ещё жила та странная, ледяная пустота, с которой она вернулась. Чай пах мятой и чем-то горным – иван-чаем, может быть, или чабрецом, собранным на склонах, где ветер пахнет свободой. Ольга всегда добавляла в свои отвары то, что нужно было душе, даже если сама душа не знала, чего просит.

Память возвращалась обрывочно, как льдины, выброшенные на берег после долгой зимы. Каждый день приносил новые осколки – не в хронологическом порядке, не по правилам, а как вздумается, как карты, которые тасует невидимая рука. Вчера она вдруг вспомнила запах старой бумаги и статичности магических полей – так пахло в кабинете Кошея, когда она приходила к нему с отчётами, молодая, дерзкая, уверенная, что может переиграть систему изнутри. Сегодня утром, ещё до рассвета, её разбудил звонкий смех ребёнка – Алии, маленькой, с кудряшками, такими чёрными, как у отца, и глазами, которые смотрели на мир с той особенной, всепоглощающей жадностью, которая бывает только у детей, не знающих, что мир может быть опасен. А потом – холодок страха, резкий, как удар, и момент разрыва, когда всё – звуки, запахи, цвета – схлопнулось в одну точку, а потом взорвалось белым, пустым, бесконечным...

Лицо мужчины, того самого, который был её мужем, отцом её дочери, оставалось сплошным белым шумом, статикой на экране сознания. Она знала, что он существовал. Чувствовала тепло его рук, помнила, как его голос звучал в темноте, когда она боялась, что магия уходит, что силы иссякают, что она перестает быть собой. Помнила, как он держал её за плечи и говорил: *«Ты сильнее, чем думаешь. Ты всегда была сильнее»*. Но лица не было. Только расплывчатое пятно, которое она могла бы заполнить чужими чертами, если бы захотела.

Но она не хотела.

Это нежелание было не пассивным, не той ленью уставшей души, которая не может собрать рассыпавшуюся мозаику. Оно было активным, острым, как лезвие, которое сама Ада держала у горла своим воспоминаниям. Он бросил их дочь. В детском доме. Оставил пятилетнюю девочку на пороге казённого дома, среди чужих стен, среди равнодушных голосов, среди жизни, которая не обещала ничего, кроме выживания. Этого было достаточно. Более чем достаточно. Чтобы вычеркнуть его из географии своей души, стереть имя из всех внутренних свитков, запечатать тот раздел памяти так, чтобы даже случайный луч не проник в эту могилу.

И всё же, когда она закрывала глаза, она видела не его лицо. Она видела его руки – сильные, но не грубые, с длинными пальцами, которые умели не только держать меч, но и перелистывать страницы древних фолиантов, и гладить её волосы, и держать крошечную ладонку Алии, когда та делала первые шаги. Эти руки она помнила. И от этого помнить было больнее, чем от любого лица.

Её дочка – взрослая женщина со снежными, как у древней старухи, волосами – стояла у плиты. Алия. Имя, которое Ада выбрала сама, когда поняла, что мир не прощает слабости, а жизнь не даёт второго шанса. Алия – от древнего «алия», восхождение, подъём. Она назвала её так, когда та родилась, потому что верила: эта девочка поднимется выше, чем смогла она сама.

Сейчас Алия стояла к ней спиной, и в её движениях было то, что Ада узнала сразу, несмотря на двадцать лет разлуки. Движения были чёткими, экономичными, без единого лишнего жеста. Отмеряла муку – ровно столько, сколько нужно, ни грамма больше. Взбивала яйца – не торопясь, но и не медля, чувствуя момент, когда масса станет пышной и лёгкой. Следила за маслом на сковородке, и когда капля воды, брошенная на раскалённую поверхность, затанцевала, зашипела, превращаясь в пар, она не вздрогнула, не отшатнулась – она просто знала, что пришло время.

Это была не просто готовка. Это был акт управления ресурсами, маленькая бухгалтерия тепла и сытости, та самая, которую Алия вела всю свою жизнь, даже там, где другие видели только хаос. Но когда она ловко перевернула оладьи, и они зашипели, принимаясь румяниться, в уголке её губ дрогнуло что-то мягкое, почти невидимое. Поэзия хаоса в строгих рамках рецепта. В этом был весь её контраст – женщина, которая могла пересчитать атомы реальности и при этом заметить, что у Ясного сегодня грустные глаза, а у Финика шерсть топорщится от страха, хотя сама она страха не чувствовала уже много лет.

Ада смотрела на дочь, и в её груди, там, где была пустота, что-то начинало шевелиться. Не память – память была слишком ненадёжна. Не надежда – надежда была слишком опасна. Инстинкт. Тот самый, древний, который сильнее любого расчёта, сильнее любой логики, сильнее двадцати лет разлуки. Инстинкт птицы, которая узнала, куда можно вернуться, даже если собственное гнездо разрушено. Инстинкт матери, которая смотрит на своё дитя и видит не взрослую женщину с белыми, как лунный свет, волосами, а ту самую девочку, которую она держала на руках в последний раз, не зная, что это – последний раз.

Напротив, в кресле-качалке, будто вырастая из самой тени дома, Ольга сплетала свой полóg. Её пальцы двигались с нечеловеческой скоростью – десять, двадцать, тридцать движений в минуту, и каждое было не просто плетением, а заклинанием, вплетённым в нить. Клубок жаретиц – маленьких, живых огоньков, которые были её детьми, её душой, её магией, – тихо перешёптывался у её ног, переливался теплом, иногда вспыхивая ярче, когда Ольга касалась их взглядом или тихим словом.

Ольга не просто плела полóg. Она укрепляла границы. Каждая петля была строкой в договоре о неприкосновенности домашнего очага, каждое движение – защитой от того, что могло проникнуть сквозь щели между мирами, сквозь трещины, которые так любил искать Кощей. Это был её ответ Архивариусу – незаблемый, тихий, живой. Там, где Кощей строил свои системы из стали и золота, Ольга ткала защиту из тепла и света. И пока жаретицы светились в её руках, пока клубок шептал свои древние, забытые слова, Дом Баюна стоял неприступной крепостью посреди миров, которые хотели бы его поглотить.

Святомир спал в соседней горнице.

Ада слышала его дыхание сквозь стены – громкое, по-медвежьи, выдыхающее воздух, пахнувший мёдом, хмелем и усталостью. Иногда дыхание прерывалось, и тогда из горницы доносился невнятный, сонный бормотания, потом тишина, и снова – ровный, глубокий храп, от которого, казалось, чуть подрагивали половицы. Фингал под глазом, трофеем вчерашних «учений» у дядьки Черномора, делал его лицо не грозным, а трогательным. Ада ещё не знала этого

человека – высокого, молчаливого богатыря, который вошёл в дом Баюна вместе с её дочерью и остался, как остаётся скала там, где нужно держать небо. Но она видела, как он смотрит на Алию. И этого было достаточно.

Исполин, чья сила когда-то, возможно, расходовалась на спасение миров, теперь тратилась на обучение молодежи, на дружеские потасовки с Черномором, на то, чтобы носить дрова и чинить крыльцо, которое вечно скрипело, сколько его ни чинили. Он стал фундаментом этого дома в самом прямом смысле – не потому, что был самым сильным, а потому, что на него можно было опереться, зная, что не подведёт. Его храп был звуком мира.

Ада отпила чаю. Тепло разлилось по телу, и пустота в груди, которая была её постоянной спутницей столько лет, показалась чуть меньше, чуть терпимее. Она смотрела на дочь, на её тонкую, напряжённую шею, на едва уловимую тень под серыми глазами – тень, которая говорила о том, что Алия тоже не спит ночами, тоже считает, тоже просчитывает, тоже боится, просто никогда не показывает.

– Он ищет тебя, – вдруг сказала Ада.

Её собственный голос прозвучал для неё чужим – хриплым от долгого молчания, непривычным, как будто она училась говорить заново. В тишине кухни эти слова прозвучали громко, слишком громко, и Ольга на мгновение замерла, не прекращая плести, но замедляя движения, чтобы не пропустить ни слова. Ясный, спавший на своём насесте в углу, приоткрыл один глаз – изумрудный, всевидящий, – и снова закрыл, но ухо его было настроено.

Алия замерла на секунду, шумовка в руке. Не обернулась. Её спина, и без того прямая, вытянулась в струну, и Ада почувствовала, как воздух вокруг дочери стал плотнее, тяжелее – тот самый воздух, которым пахло в кабинете Кошечки, когда он готовился к сделке.

– Я знаю, – ответила она просто, и в этом простом «знаю» было столько всего, что Ада не смогла бы выразить и за час. И признание. И принятие. И та самая холодная, железная готовность, которая позволяла Алие смотреть в глаза любой угрозе, не отводя взгляда. – Аудит завершён. Но система никогда не прощает неучтённых активов. Особенно таких ценных.

– Ты для него не просто актив, – Ада нахмурилась, пытаясь поймать ускользающую мысль, ту самую, что плавала в её памяти, как рыба в мутной воде. Она чувствовала её форму, её тяжесть, но стоило протянуть руку – исчезала. – Ты... сбой. Интересный сбой. А сбои он либо исправляет, либо... изучает до полного уничтожения.

Это была не память. Это было знание, вытекающее из понимания системы, частью которой она сама когда-то была. Бухгалтерский анализ угрозы. Ада не помнила, как именно составляла такие отчёты, но она помнила сам процесс – холодный, отстранённый, когда ты смотришь на человека не как на человека, а как на переменную в уравнении, и решаешь, что с ней делать: добавить, вычестить, умножить или... списать.

Алия наконец повернулась. Поставила тарелку с горкой оладий на стол – аккуратно, ровно в центр, туда, где вышитая скатерть образовывала сложный, геометрический узор, напоминающий карту звёздного неба. В её серых глазах, когда она посмотрела на мать, вспыхнул тот самый холодный, расчётливый огонь, который видел в ней Кошечка и который, возможно, был единственной причиной, почему он до сих пор не стёр её из реальности.

– Тогда пусть изучает, – сказала она, и в её голосе не было страха. Была та самая, стальная уверенность, которую не купить ни за какие активы. – Но он теперь вынужден это делать, соблюдая правила *этого* Дома. Договор Баюна. Это наша территория. Наши правила.

Она произнесла «наши». Не «мои». Не «наши с матерью». Не «наши с богатырями». «Наши» – так, как говорят о доме, где стены дышат, а пол помнит шаги всех, кто по нему ходил. «Наши» – так, как говорят о семье, которую не выбирают, но за которую готовы умереть.

Ада взяла оладью. Она была горячеей, мягкой, с той самой, чуть хрустящей корочкой, которую она сама когда-то умела делать, но забыла как. Оладья пахла детством – не её детством, которого, возможно, не было, а тем, которое она хотела дать своей дочери и не смогла.

И впервые за долгое время в её груди, вместо ледяной пустоты, что-то дрогнуло. Не память. Инстинкт. Инстинкт птицы, которая узнала, куда можно вернуться, даже если собственное гнездо разрушено.

– Я помогла ему строить эту систему, – тихо произнесла она, глядя на пар, поднимающийся от оладий. В этом паре, когда смотрели достаточно долго, начинали проступать лица – не её, не Алии, не тех, кто был здесь сейчас, а те, кого она потеряла, кого забыла, кого, возможно, никогда не знала. – Я должна найти способ её... легально обойти. Для тебя.

Она посмотрела на дочь. Не на наследницу, не на угрозу, не на сбой. На девочку со снежными волосами, которую ей нужно было накормить двадцать лет назад, уложить спать, рассказать сказку, спеть песню, просто быть рядом, когда страшно. Которую она не накормила, не уложила, не рассказала, не спела, не была.

– Мама, – вдруг сказала Аля, и её голос потерял всю стальную броню, которой она обросла за годы выживания в мире, где никто не дарит тепла просто так. Он стал простым, усталым, тем самым, которым она, наверное, говорила по ночам в детском доме, когда никто не слышал. – Сначала позавтракай. Потом будем строить стратегию.

Это был их первый, хрупкий, невербальный договор. Не против Коцея. За себя. За этот дом, пахнувший оладьями, храпом богатыря и тихим шуршанием магии в углу. За право быть, а не быть учтёнными. За право дышать, не считая каждого вдоха.

Ясный, почуяв, что разговор окончен, спрыгнул с насеста и величественно прошествовал к столу, чтобы получить свою долю оладий – тёплых, мягких, тех, которые он любил, потому что они пахли домом. Ольга, не прекращая плести, улыбнулась – той самой, доброй улыбкой, которая могла растопить любое сердце. Святомир в соседней горнице перестал храпеть, и на мгновение в доме воцарилась та особенная, полная тишина, когда даже время, кажется, замирает, чтобы не нарушить этот хрупкий, только что родившийся мир.

А где-то далеко, в стерильной тишине своей Башни, где воздух был лишён запаха, а свет – тепла, Коцей, отслеживая флуктуации реальности, отметил новую аномалию. Не магическую. Структурную. Две единицы, ранее считавшиеся разрозненными и уязвимыми, образовали устойчивый, самоорганизующийся узел. Система «Дом» получила неожиданное усиление. В данных появилась помеха. Имя помехе – **Ада**.

Он активировал новый протокол наблюдения. Интересно.

Святомир спал и видел сон.

Это был не тот сон, который приходит после тяжёлого дня, когда тело требует отдыха, а разум послушно отключается, давая волю хаотичным, бессвязным образам. Это был сон-предупреждение, сон-предчувствие, тот самый, который приходит, когда мир хочет сказать что-то важное, а спящий – единственный, кто может услышать.

Он стоял в бесконечной золотой комнате. Она не имела ни начала, ни конца, ни стен, ни потолка – только золото, тягучее, жидкое, которое текло вокруг него, как время, как память, как сама реальность, лишённая формы. Это место походило на кристаллическую решётку, где каждый атом был на своём месте, и не мог быть нигде иным. Или на сверхточный механизм, где шестерёнки вращались с идеальной, неумолимой синхронией, и ни одна не могла остановиться, потому что тогда остановится всё.

Алия стояла в центре этого золотого бесконечного зала. Она была такой же, как всегда – прямой спиной, гордо поднятой головой, белыми волосами, которые в этом неестественном свете казались не снежными, а металлическими, словно вытянутая в тончайшие нити платина. Но к её пальцам, к вискам, к сердцу тянулись бесчисленные, мерцающие **нити золота**. Они прорастали сквозь её кожу, сквозь ткань платья, сквозь саму её суть, делая её похожей на паутину из драгоценной проволоки – прекрасную, хрупкую и смертельно опасную.

Когда она повернулась, Святомир увидел её глаза.

Они были не серыми – теми самыми, серыми, «бухгалтерскими», как называл их Черномор, которые видели мир как сумму активов и пассивов, как баланс, который нужно свести. Они были жидким, всевидящим золотом, лишённым радужки и зрачка. В них отражались не предметы, не лица, не эмоции – только схемы, потоки, балансы. Тысячи, миллионы, миллиарды цифр, которые складывались в формулы, формулы – в законы, законы – в ту самую систему, которая была её телом, её разумом, её душой.

Она улыбнулась.

Это была улыбка Кощея – точная, безупречная, лишённая тепла. Улыбка, которая была не выражением чувства, а констатацией факта. Улыбка существа, которое знает всё, что можно знать, и не находит в этом знании ни радости, ни печали – только порядок.

Она была фундаментальной. Абсолютной. Частью Системы.

Она протянула к нему руку – ту самую, которой сегодня утром переворачивала оладьи на сковороде, чтобы они пропеклись равномерно, ту самую, которой вчера вечером поправляла плед на его плечах, думая, что он спит, ту самую, которой она гладила его лицо, когда думала, что он не видит. Но сейчас из её ладони вырастала золотая нить, тонкая, как волос, и тяжёлая, как цепь, чтобы вплести и его, Святомира, в этот вечный, бесчувственный порядок.

Она не звала его. Она *включала* его. В уравнение. В баланс. В ту самую бухгалтерию, где нет места ни любви, ни страху, ни надежде, ни тому, что он чувствовал, когда смотрел на неё, думая, что она не видит.

И он хотел крикнуть: «Нет! Не надо! Я не хочу быть цифрой! Я хочу быть с тобой – живой, настоящей, той, которая смеётся надо мной, когда я падаю с кровати, той, которая втирает мазь в мои синяки и ворчит, что я «мешок с мукой», той, которая... той, которую я люблю». Но голос не шёл. Он был уже частью уравнения, и уравнения не кричат.

Его разбудило падение с кровати.

Громкий, сокрушительный стук, от которого содрогнулся пол, и возмущённый, шипяще-воркующий крик, разорвавший тишину горницы, как гром – ночное небо. Он рухнул на тёплые половицы, оглушённый переходом от кошмара вселенского масштаба к тесной, пропахшей деревом и травами горнице, где за окном уже занимался рассвет, а на столе, накрытом чистой скатертью, стояла кружка с отваром, который оставила Ольга, зная, что он проснётся рано.

Ясный стоял над ним.

Диковинная помесь лебедя, цапли и орла размером со страуса, с витыми рожками, изумрудным горлом и алым оперением, которое сейчас топорщилось от возмущения, как шерсть у разбуженного кота. Ясный выражал крайнее недовольство. Его тёплая, как печка, «грелка» (он же Святомир) упала, и место пригрева исчезло, а утро, как назло, было прохладным, и ветер с леса тянул сыростью, которая забиралась даже сквозь закрытые ставни.

Ясный тыкал клювом в его плечо, ворча на своём тарабарском, полном щелчков и свистов языке. Святомир, за годы жизни в Доме, выучил несколько слов – «тепло», «есть», «спать», «не трогай мои перья, дубина», – но сейчас Ясный использовал весь свой богатый словарный запас, чтобы выразить всё, что он думает о людях, которые не умеют спать на месте.

– Успокойся, оперение... – проворчал Святомир, с трудом поднимаясь и потирая ушибленный бок. Фингал под глазом, подарок Черномора, пульсировал в такт сердцебиению, напоминая о вчерашней схватке, где он снова не угадал направление удара, снова подставился, снова получил.

Контраст был оглушительным: от образа Алии как богини Порядка, фундаментальной и абсолютной, к бытовому хаосу, созданному мифическим существом, обиженным на пропажу тепла. Святомир стоял на коленях посреди горницы, слушая, как Ясный выговаривает ему на птичьем языке, и чувствовал, как страх отступает, как кошмар тает, как реальность – твёрдая, шершавая, пахнущая деревом и травами – возвращается, чтобы обнять его своими привычными, надёжными объятиями.

Дверь скрипнула. На пороге стояла она.

Не золотая, не фундаментальная, не часть Системы. Алия в простом платье, с припудренной мукой щекой, с серыми, живыми, насмешливыми глазами, которые смотрели на него с тем самым выражением, которое он так боялся потерять – теплота, узнавание, любовь, замаскированная под ворчание.

– Богатырский храп стену пробил, что ли? – спросила она, переступая через порог. В одной руке она держала кружку с горячим чаем, в другой – чистую тряпицу, чтобы приложить к фингалу, потому что она всегда знала, что ему нужно, даже когда он сам не знал. – Или Ясный тебя за недостойное поведение во сне сбросил?

Святомир молча, всё ещё находясь под впечатлением от сна, смотрел на неё. Искал в её чертах тот холод, ту безличную безупречность, тот ужас, который преследовал его в золотом кошмаре. Видел только усталость – ту самую, которую она никогда не показывала, но которая проступала в тенях под глазами, в едва заметной складке между бровями, в том, как она держала плечи, слишком прямо, слишком ровно, как будто боялась, что если расслабится, то рухнет. Видел теплоту – ту, которую она дарила не каждому, только тем, кто вошёл в её личную, сокровенную бухгалтерию как активы высшего порядка. Видел тот самый практицизм, который был её броней и её оружием, её способом выживать в мире, где никто не даёт ничего просто так.

– Приснилось, – хрипло выдохнул он, отряхиваясь.

– Плохое?

– ...Странное.

Она подошла, поставила чай на столик, взяла его за подбородок, аккуратно повернула лицо к свету. Её пальцы были тёплыми, живыми, с едва заметным запахом муки и мёда. Никакого золота. Никаких нитей. Только она – его Алия, его «бухгалтер», его дом.

Осматривала фингал с той особенной, бухгалтерской внимательностью, которая оценивала ущерб не для списания актива, а для его восстановления. Её глаза сузились, губы поджались, и Святомир понял, что сейчас начнётся.

– Медитацию после медовухи практиковал? – спросила она, и в её голосе звучала та самая лёгкость, которая была её защитой от всего слишком серьёзного, слишком страшного, слишком реального. – Или дядька Черномор новому приёму научил – падению с кровати с боевым кличем? Ясный, небось, чуть инфаркт не получил.

Ясный, услышав своё имя, гордо расправил крылья и издал звук, который можно было интерпретировать как «Я-то? Я вообще-то пытался спасти этого недотепу от гипотензии, но кто меня слушает?» Алия бросила на него быстрый, понимающий взгляд, и птица успокоилась, довольно взъерошив перья.

– Тебе снится, как ты становишься генеральным директором всей реальности? – спросила она вдруг тише, отпуская его лицо и отступая на шаг, чтобы дать ему пространство, воздух, возможность самому сделать следующий шаг.

Святомир вздрогнул. Иногда её прозорливость была пугающей. Она читала его не как открытую книгу – открытую книгу может прочитать любой, – а как сложный, но логичный отчёт. И в этом отчёте не было места тайнам.

– Почти.

– А я тебе там какая? – в её голосе зазвучал неподдельный, профессиональный интерес. Тот самый, с которым она изучала новый договор или нестандартную магическую аномалию. Как будто это было не её собственное возможное будущее, а интересная задача, которую нужно решить.

– Сильная. Холодная. Как он.

Алия задумалась, отводя взгляд к окну, за которым клубился утренний туман – естественный, дикий, неподконтрольный. Туман полз по земле, цепляясь за кусты, за деревья, за

камни, и в его белесой глубине, когда смотрели достаточно долго, начинали проступать очертания чего-то древнего, того, что было здесь до людей, до магии, до самого понятия «порядок».

– Возможно, это не сон, а предупреждение от подсознания, – сказала она наконец, и её голос был спокойным, аналитичным, как на разборе тактической задачи. – Или страх самого сильного игрока. Он видит во мне потенциал, поэтому хочет либо ассимилировать, либо уничтожить. А ты боишься потерять меня в эту систему. Логично.

Она снова посмотрела на него, и в уголке её губ дрогнула та самая, едва уловимая, мягкая улыбка, которая появлялась только тогда, когда она забывала о долгах, о балансах, о бесконечной бухгалтерии реальности, и просто была – женщиной, которая любила, боялась, надеялась.

– Но для того, чтобы стать таким, как он, мне пришлось бы отказаться от слишком многого. От запаха оладий. От храпа богатыря. От ворчания Ясного. От маминого чая. – Она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то, что можно было принять за благодарность. Или за надежду. Или за то самое, хрупкое, не поддающееся учёту чувство, которое было сильнее любой системы. – Сделка абсолютно убыточная, – заключила она с лёгкостью главного бухгалтера, пересчитавшего все активы мира и обнаружившего, что главный из них – тот, который нельзя ни учесть, ни продать, ни даже назвать. – Иди умывайся. Завтрак на столе.

Ясный, почуяв еду, величественно проследовал за ней, оставив Святомира одного. Тот прикоснулся к холодному дереву стены, к тёплому полу, к царاپине на подоконнике, которую оставил Ясный, когда учился летать, к тому самому, из чего складывалась жизнь. Реальность. Твёрдая, шершавая, живая. Не золотая решётка. Дом.

Сон отступал, растворяясь в ясности утра, как туман за окном таял под лучами восходящего солнца. Но тонкая тревога, как заноза, оставалась. Он боялся не за себя. Он боялся цены, которую ей, возможно, всё же придётся заплатить в этой войне. И понимал, что его роль – быть тем самым фундаментом, о который разобьётся любая абстракция, даже золотая.

Он вышел на кухню, где Алия отгоняла Ясного от оладий, а Ада смотрела на них с тихим, сосредоточенным изумлением – тем самым, с которым смотрят на чудо, не понимая, как оно возможно, но зная, что оно – единственное, что имеет значение. Он сел за стол, и его большая, шершавая рука накрыла её маленькую, холодную ладонь. Просто так. Без контракта. Только тепло.

Кошеч сидел в своём кабинете.

Это место не имело окон, потому что тому, кто живёт вне времени, не нужен вид на смену дня и ночи. Не имело дверей, потому что тот, кто управляет реальностью, входит туда, куда пожелает, не спрашивая разрешения. Здесь царила тишина – не отсутствие звука, а его поглощение, идеальная акустическая вакуумная камера, где даже мысль, прежде чем обрести форму, проходила через фильтры, калибровки, выверки.

Воздух стоял неподвижный, стерильный, лишённый запаха и вкуса. Здесь не пахло ни хлебом, ни мятой, ни дымом костра, ни сырой землёй – ничем из того, что напоминало о жизни. Здесь был только он и его системы. И тишина.

Перед ним на столе – огромном, чёрном, поглощающем свет полированном камне, поверхность которого была гладкой, как вода в безветренный день, и холодной, как вечность, – лежали три иглы. Они не походили на те, сказочные, что хранил его старый образ, когда он был ещё существом из плоти и крови, когда его смерть можно было спрятать в яйцо, а яйцо – в утку, а утку – в зайца, а зайца – в сундуке, а сундук – на дубе. Те иглы были частью мифа, частью истории, которую рассказывали у костров, чтобы дети боялись темноты.

Эти иглы были иными.

Тёмными, словно выточенными из чёрного кварца или вулканического стекла, которое рождается в недрах земли, где даже свет – гость редкий и нежеланный. Сквозь их глубину пробегали тусклые золотые прожилки – словно окаменевшие молнии, застывшие в момент

удара. Они не светились, не пульсировали, не излучали ту магическую силу, которую так ценят живые. Они были инертны. Статичны. Идеальны.

Кощей установил их как новые силовые столпы, фундаментальные точки баланса, после краха прежней системы договоров. Они держали реальность, как три колонны держат свод древнего храма, не давая ему рухнуть под собственной тяжестью. Они держали её – и она не рушилась. Но она не росла. Не дышала. Не жила.

– Мало.

Он произнёс это вслух. Голос, лишённый тембра, был простой констатацией факта, отчётом самому себе, записью в журнале наблюдений. Три столпа – это структурный минимум для устойчивости. Но для управления, для тонкой настройки, для контроля над флуктуациями (такими, как Дом Баюна, или возвращением Ады, или усилением аномалии «Алия») этого было недостаточно.

Система функционировала, но не развивалась. Она не ассимилировала новые данные, а лишь отгораживалась от них, создавая всё новые и новые протоколы защиты, всё более сложные фильтры, всё более изошрённые барьеры. Это была оборонительная, а не имперская позиция. И Кощей, который был не просто хранителем порядка, но его архитектором, чувствовал эту недостаточность, как чувствует скульптор, что мрамор слишком твёрд, а инструмент – слишком туп.

Его взгляд скользнул в сторону. На краю стола, нарушая безупречную симметрию, которую он выверял веками, стояла простая деревянная рамка. В ней – фотография. Ада, много лет назад. Улыбка ещё не стёрта усталостью, в глазах – вызов и ум, и та самая, живая, пульсирующая сила, которая когда-то заставила его обратить на неё внимание. Рядом с ней – девочка. Но лицо девочки было не просто размытым. Оно было целенаправленно стёрто ровным светлым пятном, как ластиком по плёнке.

Не память подвела. Это был акт воли. Когда-то, в момент ярости или холодного расчёта – он уже не помнил, да и не было разницы, – он удалил этот образ. За ненадобностью. За угрозой эмоциональной привязанности. За тем, что девочка была не его, а Геннадия Назарова, и её существование напоминало о том, что даже в его идеальной системе есть переменные, которые он не контролировал.

Теперь фото было просто артефактом, напоминанием об ошибке – не в том, что сделано, а в том, что артефакт сохранён. Это был нефункциональный элемент. Помеха. Лишняя переменная, которую следовало бы удалить из системы, как удаляют заражённый файл из идеально отформатированного диска.

Но он не удалял.

И где-то в глубине его архитектуры, в тёмных, не используемых для текущих процессов сегментах памяти, плавал осколок. Остаточное явление. Эхо. Толик сознания. **Гены Назарова.** Оно не было голосом. Оно было смутным паттерном: вкус дешёвого портвейна на вокзале, ощущение колючего шарфа на шее, беспредметная тоска мартовской слякоти и абсурдная, неуместная мысль: *«А ведь могли бы просто жить. Просто так».*

Этот осколок был вирусом без кода, ошибкой без последствий. Кощей давно его изолировал, лишил влияния, запер в том самом сегменте памяти, куда не проникал даже его собственный, всевидящий взгляд. Но он не стирал его. Потому что стирание – это тоже признание угрозы. А это была не угроза. Это были данные. Об уязвимости, присущей определённым типам сознания. Возможно, полезные данные для будущего моделирования.

Он вернул внимание к трём иглам. Золотые прожилки в них слабо пульсировали, синхронизируясь с ритмами мироздания. Они фиксировали порядок, но не создавали его. Для создания нужен был творческий импульс. Хаос. Или... живой, незапланированный союз. Тот самый, который он наблюдал в Доме Баюна, где стены дышали, а полы пели, где Алия, дочь

Ады и Геннадия, сплетала свою, локальную систему из договоров и чувств, из расчёта и любви, из того, что он не мог ни учесть, ни предсказать, ни контролировать.

Вот почему аномалия «Дом» была так устойчива. Она не противостояла порядку. Она потребляла его, пропуская через призму личных связей и превращая в нечто иное – в тепло очага, в силу договора о гостеприимстве, в верность без контракта. Она делала то, что его система делать не умела: она росла. Дышала. Жила.

– Недостаточно переменных, – произнёс Кощей, глядя на стёртое лицо девочки на фотографии. – Уравнение требует нового члена.

Он отодвинул рамку в сторону, убрав помеху из поля зрения. Но действие было запоздалым. Сам факт наличия фото, сама мысль о нём – уже изменили состояние системы. Он это осознал. Ранее он бы стёр и сам артефакт. Теперь – нет. Потому что в войне с хаосом, который научился структурироваться (как Баюн), и с порядком, который научился чувствовать (как Алия), все данные, даже паразитные, даже эмоциональные, могут быть тактическим ресурсом.

Он активировал новый протокол. Задача: не уничтожить аномалию «Дом». Задача: найти точку интеграции. Точку, где система сможет поглотить этот хаос, не разрушая его, а превращая в свой новый, более сложный модуль. Возможно, этим модулем была Ада. Возможно, её пробуждающаяся память. А возможно, что-то ещё, чего он пока не учёл.

Три чёрные иглы на столе лежали неподвижно. Но в стерильной тишине кабинета теперь висел новый, неучтённый параметр. Личный. И от этого было... интересно.

Глава 2. Уроки и испытания

Закончив завтрак и подлечив фингал у любимого (с лёгким ворчанием о «недостойной богатыря акробатике», которая, впрочем, не скрывала тревоги, с которой её пальцы ощупывали его скулу, проверяя, не повреждена ли кость), они начали собираться в Академию.

Академия при Хозяйке Горы была местом, где учились те, кто не вписывался в обычные школы магии. Здесь не было деления на «сильных» и «слабых», на «одарённых» и «посредственных». Здесь были те, кто умел слышать камень, и те, кто говорил с ветром. Те, кто мог сплести заклинание из солнечного света, и те, кто читал судьбу по корням деревьев. Те, кто, как Алия, считал реальность в цифрах, и те, кто, как Святомир, был самой реальностью – твёрдой, надёжной, непоколебимой.

– Уроки не отменяет даже смерть, а уж грядущий апокалипсис – и подавно, – как любил говаривать один из профессоров, старый леший, который помнил ещё времена, когда люди приносили дары в лес, а лес отвечал тем, что не убивал их слишком быстро.

Святомир отправился на лекцию по оборонной стратегии – предмет, который он знал лучше любого профессора, потому что оборонял он не абстрактные границы на карте, а живых людей, и цена ошибки здесь измерялась не баллами на экзамене, а жизнями. Алия – в боевой зал, где её ждал Черномор.

Она шла по коридорам Академии, и её шаги отдавались в каменных сводах глухим, уверенным эхом. Здесь пахло старой магией – той самой, которая оседала на стенах за тысячи лет, пропитывая камни, как дым пропитывает дерево. В воздухе витало напряжение, которое всегда бывает перед важным событием – или перед важным боем.

Дойдя до массивных дубовых дверей, оббитых медью, с ручками, выкованными в виде львиных голов, Алия замерла на пороге. Из-за дверей доносился знакомый звук: глухие удары, тяжёлое дыхание, иногда – резкий окрик, от которого даже стены, казалось, вздрагивали. Она толкнула дверь.

Зал был огромным. Его своды уходили вверх, теряясь в полумраке, где, если смотреть достаточно долго, начинали проступать очертания древних рун, высеченных в камне ещё в те времена, когда Академия только строилась. Пол был выложен каменными плитами, каждая из которых помнила шаги сотен учеников, и их память, спрессованная веками, создавала ту особую, тяжёлую атмосферу, которая заставляла даже самого самоуверенного новичка чувствовать себя песчинкой перед лицом вечности.

В центре зала стоял, точнее, высился мужчина с чёрной, как смоль, бородой, заплетённой в две грубые косы, перехваченные кожаными ремешками. Дядька Черномор. Его фигура, облачённая в простую, но добротную рубаху, под которой угадывалась могучая, как горный хребет, плоть, казалась высеченной из цельной скалы. Он стоял неподвижно, но в этой неподвижности было больше угрозы, чем в любом, самом яростном нападении.

Против него сменялись ученики. Сейчас его оппонентом был молодой парень со второго курса – Илья Никитич, подающий надежды, но ещё зелёный. Алия, стоя у входа, наблюдала за схваткой с тем особым, профессиональным интересом, который она испытывала только к самым сложным задачам.

Удары наносились с такой силой, что воздух свистел. Илья был быстр, ловок, изворотлив. Он атаковал с разных сторон, пробовал обманные движения, пытался найти слабину в обороне титана. Но Черномор стоял непоколебимо, как гранитная скала, принимая атаки всем телом, лишь изредка делая минимальные движения для парирования. Его руки двигались медленно, но каждое движение было выверено до миллиметра, и когда его кулак, размером с добрую гирю, встречался с блоком Ильи, парень отлетал, как мяч, ударяясь о стену или, если везло, о маты.

Это было не обучение в привычном смысле. Это было испытание на прочность. Черномор не учил драться – он учил выживать. Он показывал каждому, кто входил в его зал, что мир не прощает слабости, что враг не будет ждать, пока ты соберёшься с духом, что цена ошибки – жизнь. И те, кто выдерживал его школу, становились теми, кого боялись даже чудовища.

Алия пришла на силовую тренировку, как и обычно. Но раньше её партнёром и щитом был Святомир – тот самый фундамент, который мог выдержать любой удар. Теперь же её оппонентом значилась «Чёрная Скала» – сам Черномор.

– Назарова! – прогремел его голос, заглушая стук тел и звон оружия, отработанный до автоматизма. – Разминка! Тридцать кругов! Потом – ко мне!

Алия, не тратя слов, сбросила верхнюю куртку и ринулась бежать по периметру зала. Её ноги, привычные к долгим переходам, к бесконечным коридорам Дома Баюна, к тропам, которые никто, кроме неё, не видел, отмеривали километры по протоптанной дорожке. Она бежала ровно, размеренно, экономя силы, как учила её жизнь: ни одного лишнего движения, ни одного лишнего вздоха.

Краем глаза она наблюдала за продолжающейся бойней. Молодцы сменяли друг друга, пытаясь хоть как-то пробить оборону титана. Лишь одному, старшекурснику с лицом, изрубленным шрамами, которые он носил как боевые награды, удалось вложиться в короткий боковой и заехать кулаком в скулу Черномора. Тот даже голову не отклонил, лишь медленно перевёл на парня взгляд, в котором мелькнуло что-то вроде уважительной досады. Ответный удар, похожий на выстрел катапульты, отправил смельчака в полёт через весь зал. Тот рухнул у дальней стены, украшенной доской с тактическими схемами, и затих, благодарно хватая ртом воздух.

Алия бежала. И наблюдала. И думала.

Его неприязнь к ней была давней и холодной. Не агрессия, а именно ледяная, профессиональная строгость, всегда на грани презрения. Она списывала это на свой стиль – не силовой, а расчётливый, который он, эталон прямой мощи, презирал. Но сейчас, глядя на его абсолютную, почти кощеевскую безличность в бою, она поймала другую мысль.

Отец. Геннадий Назаров. Черномор его откровенно не взлюбил. Ходили глухие слухи, что ещё на первом курсе, когда все они – и Черномор, и Ада, и Геннадий – были однокурсниками, между Адой и богатырем что-то было. Минутное увлечение, пара совместных заданий, неловкие ухаживания, о которых потом вспоминали с кривой усмешкой. Пока Ада не отправилась на летнюю практику в леса Волги – туда, где, как говорили, границы миров истончаются, и можно услышать, как дышит сама земля, – и не вернулась оттуда с Геной. Станным, тихим, не магом в привычном смысле, но с каким-то иным, глубинным знанием, которое чувствовали даже те, кто не умел чувствовать.

Она выбрала его. А Черномор остался с разбитым сердцем и вечной, тлеющей обидой на того, кто «увёл свою пару не силой, а какими-то шушуканьями». Он был её Шерлоком, а Гена – её Мориарти, которого она почему-то полюбила. Алия об этом не знала. Не знала, что её отец, чьё лицо мать стёрла из памяти, был когда-то причиной дуэли, едва не стоившей Черномору отчисления. Узнает она об этом позже, когда Ада, окрепнув, придёт в Академию для разговора с Хозяйкой Горы. Придёт на «родительское собрание», которое перевернёт всё с ног на голову.

Тридцатый круг был закончен. Алия, дыша ровно, но чувствуя, как мышцы наполняются свинцовой тяжестью, остановилась перед Черномором. Он смотрел на неё своими тёмными, как глубина шахты, глазами, в которых, если смотреть достаточно долго, начинали проступать искры – не света, а той самой, древней, подземной силы, которая была его сутью.

– Ну что, бухгалтер? – произнёс он, и в этом слове звучала вся гамма чувств: и пренебрежение к её методу, и признание её упорства, и та самая, застарелая обида на того, чьи гены она несла в себе. – Покажи, чему тебя жизнь научила. Без твоего каменного щита.

Он принял боевую стойку. Не для защиты. Для нападения. Это был не спарринг. Это был аудит её физической состоятельности. И, возможно, что-то ещё – проверка на прочность дочери женщины, которую он когда-то любил, и мужчины, которого он презирал.

Алия выдохнула, отбросив все мысли. Сейчас только цифры: расстояние, сила, угол, импульс. Её собственный расчёт против его неоспоримой мощи.

– Готова, – сказала она просто, и её серые глаза стали холодными и ясными, как лезвие.

Её первый шаг вперёд был не атакой. Он был вопросом. И Черномор, каменный и неумолимый, двинулся ей навстречу, чтобы дать ответ.

Алия применила всё, что знала. Каждый приём, каждую уловку, каждую хитрость, которую вычитала в древних фолиантах или подсмотрела у Святомира. Она работала не против силы, а вдоль неё, пытаясь перенаправить чудовищный импульс, использовать его же массу против него. Она скользила, как тень, уворачивалась, отступала по сложной траектории, заставляя его широкие замахи бить в пустоту.

Но для Черномора это было как трава, пытающаяся удержать слона. Её тонкие, точные движения, её попытки вывести из равновесия – они просто не достигали критической массы. Его корни уходили в саму землю зала, его центр тяжести был не точкой, а целой планетой. Он двигался медленно, но каждое его движение было неотвратимо, как сход лавины, как обвал, как сама судьба.

В конце концов, он просто поймал её запястье в железную петлю своих пальцев на очередном, слишком предсказуемом для него, заходе сбоку.

Алия повисла на его руке, как беспомощная сумка, ноги на мгновение оторвавшись от пола. Глаза её широко распахнулись не от страха, а от чистого когнитивного диссонанса. Её стратегия, её безупречный расчёт – они разбились не об ошибку, а об абсолютный, непреложный факт чужого превосходства. Она могла бы просчитать его движения ещё тысячу раз, но это не изменило бы ничего, потому что его сила была не в движениях, а в самой его сути.

Бровь Черномора едва заметно приподнялась. В его каменном взгляде мелькнуло что-то – не одобрение, а констатация.

– За старания – уважение, – произнёс он глухо, и эти слова прозвучали как высшая похвала. Но тут же последовал приговор: – Зачёт – минус.

Он не бросил её. Он стряхнул. Одно короткое, небрежное движение запястьем – и Алия отлетела назад, бессильно шлёпнувшись на упругий мат, откатившись на пару метров. Воздух с шумом вырвался из её лёгких. Больно не было – он рассчитал силу именно так, чтобы было унижительно, но не травматично. Это была педагогическая метода. Выжигание иллюзий.

Она лежала, глядя в деревянные балки потолка, где в полумраке, если смотреть достаточно долго, начинали проступать руны – древние, забытые, вырезанные ещё теми, кто строил этот зал, когда мир был молодым. По спине растекалось тепло от напряжения, в голове крутилась единственная мысль: «Недостаточно данных. Моя модель неполна. Нужен новый параметр. Параметр „абсолютная физическая доминация“».

Черномор стоял над ней, заслоняя свет.

– Завтра, – сказал он, и в его голосе не было злорадства, только неумолимая строгость каменной глыбы. – Ещё один бой.

Его взгляд, тяжёлый, как жернов, пополз по залу, выискивая. Он прошёлся по сникшим первокурсникам, по осторожным третьекурсникам, и... нашёл. Остановился на том самом парне, который всё ещё отходил у доски. Тот, кого домовый поил водой из глиняной кружки, уже мог сидеть, хотя лицо его было бледным, а взгляд – отсутствующим.

– С ним, – указал Черномор пальцем, размером с добрую сосиску. – Он смог попасть. Пусть учит тебя, как это делается. А ты – учи его, как продержаться дольше трёх секунд.

Это был не просто выбор. Это был расчёт. Парень (Алия смутно припомнила, что его зовут Левша) обладал взрывной, необузданной силой, пробивной способностью. Но ему не хватало стратегии, выдержки, «бухгалтерии боя». Алии же не хватало именно этой грубой, животной мощи, способности нанести решающий удар. Он создавал уравновешенную тактическую единицу. Из двух неудач.

Алия медленно поднялась, отряхиваясь. Унижение горело щеками, но в глазах уже зажегся холодный, аналитический огонёк. Она кивнула. Не Черномору. Себе. Принята новая задача. Новые входные данные. Партнёр-противник, представляющий интересную переменную.

– Поняла, – сказала она просто, голос ровный, без тени обиды. Она уже мысленно строила модель завтрашнего спарринга, заноса в неё параметры Левши: траектория удара, скорость восстановления, болевой порог, угол атаки, силу сцепления с поверхностью.

Черномор, видя этот взгляд, хмыкнул – звук, похожий на удар камня о камень. Возможно, в нём на секунду шевельнулось что-то, очень отдалённо напоминающее удовлетворение. Дочь Ады не сломалась. Она начала вычислять. И, как ни парадоксально, это было куда ближе к его миру прямых силовых линий, чем заигрывания её отца с потусторонними тайнами.

Алия собрала свою куртку и пошла к выходу, чувствуя на спине тяжесть его взгляда. Завтра будет новый бой. Новый набор данных. И, возможно, шаг к тому, чтобы перестать быть просто «травой» в мире слонов.

Левша – имя досталось по наследству от деда, знаменитого на весь уезд мастера-плотника, чьи руки помнили каждое дерево, которое он трогал, и каждое дерево помнило его. Парень, сидевший у доски, и правда не был хлипким: жилистые руки, собранные плечи, пальцы, унизанные мелкими шрамами от инструментов, которые он знал лучше, чем собственное имя. Но это была сила не богатырская, как у Святомира, а прикладная, рабочая – сила, отточенная у наковальни и верстака, а не на тренировочных матах.

Его лицо с тонкими, почти резными чертами, волосы цвета орехового дерева и глаза тёплого, но упрямого оттенка ольхи выдали в нём не воина, а создателя. Того, кто привык не ломать, а строить. Не разрушать, а чинить. Не убивать, а давать жизнь.

Он сидел, всё ещё прерывисто дыша, и внутри него кипела тихая, ясная ярость. Зачем ему всё это? Зачем эта боевая подготовка, этот цирк с побоищами, где его, мастера, способного выковать артефакт, который запомнят на века, используют как грушу для битья?

Он был кузнецом, плотником, каменщиком. Его руки создавали вещи – прочные, красивые, полезные. Они чувствовали структуру дерева, пляску огня в горне, характер камня. Они знали, как согнуть металл, чтобы он не сломался, как соединить дерево, чтобы оно не разошлось, как вырезать руну, чтобы она работала. Ему обещали, что он будет проходить обучение исключительно в мастерских Хозяйки Горы, изучая материальную магию, символы прочности и законы формы. Его талант был редким, его берегли, как берегут редкую породу дерева, чтобы вырезать из неё нечто великое.

До сегодня.

Вердикт Черномора – биться с этой странной, холодной девушкой с четвёртого курса – был ему отвратителен. Это не его путь. Это нарушение негласного договора между ним и теми, кто учил его ремеслу. Его обида была не детской обидой ребёнка, которого заставляют делать нелюбимое дело, а глубоким, принципиальным возмущением ремесленника, которого заставляют ломать инструмент не по назначению.

Алия, подойдя, увидела не просто избитого парня. Она увидела закрытую дверь. Его поза, его взгляд, устремлённый в пол, но не от стыда, а от сосредоточенного внутреннего протеста, говорили яснее слов. Это был не потенциальный союзник. Это была новая задача с отри-

цательной мотивацией. И Алия, которая всю жизнь решала такие задачи, знала, что с ними делать.

– Левша? – произнесла она, останавливаясь на почтительной дистанции. Её голос был нейтральным, без сочувствия – оно было бы оскорбительным, – но и без требований.

Он медленно поднял на неё глаза. Взгляд был тяжёлым, как хорошо прокованная сталь.

– Мне обещали мастерские, – сказал он тихо, но чётко, выжигая каждое слово. – Не это. Я не воин. Я создаю вещи. Не ломаю людей.

Это была не жалоба. Это была декларация. Позиция. Человек, который знает, кто он, и не хочет быть никем иным.

Алия оценила. Эмоциональная помеха. Высокий уровень сопротивления. Цель: минимизировать потери (его и свои) и извлечь пользу. Она села на корточки напротив, чтобы быть на одном уровне, и в этом движении не было унижения – было равенство.

– Черномор не случайно нас свёл, – начала она, и её тон был аналитическим, как на разборе тактической задачи. – Он видит дисбаланс. У тебя – сила удара, но нет тактики. У меня – тактика, но нет решающего удара. Его метод груб, но логичен: он заставляет недостатки компенсировать друг друга.

– Я не хочу компенсировать, – отрезал Левша. – Я хочу ковать. Чертить. Резать по камню.

– Понимаю, – кивнула Алия, и в её согласии не было покровительства. Был учёт факта. – Но пока ты здесь, а он – старший преподаватель. Отказ будет означать отчисление с любого курса, включая мастерские. Это система.

Она сделала паузу, давая ему переварить этот безрадостный, кощеевский по сути, вывод. Система не спрашивает, хочешь ты или нет. Система просто ставит условия. И ты либо играешь по ним, либо выходишь из игры. Но иногда, очень редко, можно изменить правила изнутри.

– Предлагаю сделку, – продолжила она. – Завтрашний бой. Мы не будем «ломать» друг друга. Мы будем исследовать. Ты покажешь мне механику своего удара – от земли до точки контакта. Я покажу тебе, как читать замысел противника и экономить силы. Мы выполним формальное требование Черномора, но потратим время с пользой для наших основных специализаций.

Она смотрела на него прямо, её серые глаза были чистым инструментом. – Твоё мастерство – это тоже стратегия. Точность, расчёт, понимание материала. В бою материал – это пространство, тело, импульс. Это не так далеко от твоего мира, как кажется.

Левша слушал, и ярость в его глазах понемногу сменялась настороженным интересом. Её подход был чудовищно рационален. Но в этой рациональности было уважение к его сути. Она не пыталась сделать из него воина. Она предлагала прикладное изучение боя как инженерной задачи. Это было... приемлемо.

– А Черномор? – спросил он. – Он же увидит, что мы не колошматим друг друга всерьёз.

– Черномор ценит результат и рост, – ответила Алия. – Если через неделю ты перестанешь вылетать к доске от первого толчка, а я смогу нанести хотя бы один осмысленный удар, который тебя сдвинет с места – он будет удовлетворён. Его задача – сделать нас эффективнее. Наш путь к эффективности может быть своим.

Левша молча кивнул. Это не было согласием дружить. Это было временное перемирие и договор о взаимном обмене навыками. Рационально. Практично.

– Ладно, – выдохнул он. – Исследование. Только... без подсечек под колени, а? Руки мне ещё нужны.

В углу его рта дрогнуло что-то, почти невидимое. Не улыбка. Намёк на неё. Первый, робкий, как весенняя трава, пробивающаяся сквозь снег.

– Без подсечек, – серьёзно подтвердила Алия, поднимаясь. – Только данные. До завтра.

Она развернулась и ушла, уже прокручивая в голове новую переменную: «Партнёр-ремесленник (Левша). Мотивация: внешняя, негативная. Навык: концентрация силы в точке. Цель: трансформировать его сопротивление в полезный параметр для модели боя».

А Левша, глядя ей вслед, впервые за день перестал чувствовать себя просто грушей для битья. Он чувствовал себя... условием в уравнении. И в странном мире этой Назаровой, где даже боль и унижение переводились в холодные термины, в этом было что-то... честное. Он потрогал свои костяшки, мысленно уже анализируя, как перенести вес тела с молота на кулак, как изменить угол удара, чтобы сила не рассеивалась, а концентрировалась в точке. Новая задача. Создать эффективный удар. Это уже звучало как вызов для мастера.

Кощей наблюдал за боевым залом через многомерную призму своих инструментов наблюдения. Данные текли ровным потоком: биометрические показатели учеников, силовые векторы ударов, карта перемещений, температурные аномалии, флуктуации магического фона. Его внимание, однако, было приковано к двум точкам: аномалия «Алия» и новый, нестабильный элемент «Левша».

Он стал свидетелем их краткого диалога. Проанализировал невербальные сигналы: поза сопротивления у юноши, сменяющаяся настороженным интересом; экономичные жесты Алии, её собранность, направленная не на подавление, а на переформатирование задачи. Он услышал её слова: «Предлагаю сделку... Мы будем исследовать».

Интересно.

Она не пыталась сломить сопротивление. Она легализовала его, превратив в условие нового, микроскопического договора. Не эмоциональную солидарность, а прагматичный союз на основе взаимного дефицита. Это был не её отец с его таинственными шушуканьями, и не её мать с её яркой, личной магией. Это был чистый, почти его метод, но применённый не к абстрактным силам, а к живой, обиженной плоти. Она выращивала порядок из хаоса не принуждением, а интеграцией. Это было... элегантно. И потому – опасно.

Он углубился в анализ, вычисляя потенциальную эффективность такого тандема, прогнозируя траекторию их развития. И так был поглощён процессом, что пропустил обратную связь. Пропустил момент, когда одна из точек наблюдения в самой реальности развернулась к нему лицом.

В углу зала, в тени у стойки с древками для тренировочных копий, стояла девушка. Вила. Волосы – чернее ночи, гладкие, как шёлк, собранные в тугую косу, которая спускалась до пояса. Глаза – тёплые, глубокие, цвета полированной яшмы, с золотистыми искорками, которые вспыхивали, когда она смотрела на что-то, требующее её внимания. Она была одета просто, по дорожному, но в её одежде, в её осанке, в том, как она держала копье – не как оружие, а как продолжение своей руки, – чувствовалась сила, которая не нуждалась в демонстрации.

Она смотрела не на зал. Она смотрела сквозь него, прямо в ту самую невидимую точку, откуда исходил наблюдающий взгляд. Её взгляд не был яростным. Он был тяжёлым. Наполненным знанием и немым укором. Защитница сирот и обиженных. А Кощей своей системой, своими безличными аудитами и «списаниями» создал обиженных больше, чем кто-либо.

Он понял, что на него смотрят. Не просто чувствовали присутствие, как Черномор, а именно видели саму суть наблюдения. Это нарушало все протоколы. Это была аномалия высшего порядка.

Вилой двигал не магический навык, не особый дар, который можно было бы учесть, классифицировать, изолировать. Ею двигало нечто иное. Глубокая, почти физическая связь с обиженными душами. И поскольку его взгляд был, по сути, инструментом контроля и оценки, он сам для неё был источником обиды, кристаллизовавшимся в точке пространства. Она не видела его лица в зеркале. Она видела само давление его внимания, как слепой видит тень, как дерево чувствует ветер, который ещё не пришёл, но уже близко.

Её взгляд скользнул от невидимой точки к Черномору. Тот, в середине зала, только что отчитав очередного неудачника, вдруг замер. Его мощная шея напряглась, мышцы на плечах вздулись, как будто он принимал на себя невидимый удар. Он медленно повернул голову, его каменные глаза встретились с её каменным взглядом. Между ними пронеслась безмолвная молния понимания. Потом Черномор резко развернулся к огромному, старому, в дубовой раме зеркалу, висевшему на стене для отработки позиций.

В зеркале отражался зал, ученики, солнечные пылинки в воздухе. И больше ничего.

Но Черномор смотрел не на отражение. Он смотрел сквозь стекло, туда, откуда, как он теперь чувствовал кожей, исходило давящее, постороннее присутствие. Его голос, низкий и резкий, как удар клинком по камню, разрезал гул зала:

– Коли смотришь – заходи. Не стой в дверях. Призраком.

Он говорил в пустоту зеркала. Но все в зале, включая Алию и Левшу, замерли, почувствовав сдвиг в атмосфере. Воздух стал густым, наэлектризованным, как перед грозой. Черномор не бросал слов на ветер. Если он говорил «призрак» – значит, кто-то действительно был здесь, незримый, и наблюдал. И его пригласили войти. На территорию Дядьки.

Это было больше, чем вызов. Это было переопределение границ. Зеркало из инструмента для самоконтроля превращалось в потенциальные врата. И приглашение звучало не как просьба, а как ультиматум охранника на пороге своего дома.

Кощей на своей Башне наблюдал за этой сценой. Данные о Виле стремительно обновлялись в его базе: «Способность: эмпатическое восприятие негативных паттернов вплоть до их источника. Угроза: высокая. Подвержена эмоциональным помехам (сострадание)». Данные о Черноморе: «Тактическая оценка угрозы: верная. Действие: попытка установить прямой контакт на своей территории. Риск: неприемлемо высок».

Ответа не последовало. Давление внимания исчезло так же внезапно, как и появилось. Зеркало снова стало просто зеркалом.

Но в стерильной тишине кабинета Кощей зажглась новая метка на карте угроз. Рядом с «Дом Баюна» и «Аномалия: Алия» появилась запись: «Наблюдатель: Вила. Вектор: защитный, эмоционально-детерминированный. Требуется дополнительного изучения. И, возможно, изоляции. Как и всё, что нарушает чистоту эксперимента».

А в зале Вила, не меняя выражения лица, медленно отвела взгляд от зеркала и скользнула к выходу, растворившись в коридоре. Её миссия была выполнена. Нарушитель узнал, что его видят. Иногда этого достаточно. Черномор хмыкнул, удовлетворённо сжал кулаки, костяшки затрещали.

– Ну что, – рявкнул он, обращаясь к остолебеневшим ученикам. – Призраков разогнали. Теперь займёмся живыми. Следующая пара – в круг!

Но Алия, стоя у матов, уже смотрела на то место, куда смотрела Вила. Она ничего не чувствовала своим бухгалтерским чутьём – её дар был другого рода. Но её стратегический ум сделал пометку: «Новый фактор. Внешнее наблюдение (враждебное?). Прервано вмешательством Черномора и неизвестной третьей стороны (девушка с яшмовыми глазами). Необходимо собрать данные».

Игра усложнялась. Игроков становилось больше. А доска – вся реальность – казалась всё менее прочной.

Марфа – так назвал её приёмный отец, Черномор, найдя потерявшейся у ручья девочкой с глазами, полными немого ужаса. «Вила» – это уже позже, от других, кто видел, как она оборачивается ветром в поле или успокаивает плачущего ребёнка одним прикосновением. Но для себя в такие моменты она была просто Марфой. И сейчас Марфа, прислонившись к прохладному камню стены в коридоре, дрожала.

Она смотрела сквозь приоткрытую дверь на широкую, непробиваемую спину отца, который снова орал на кого-то в зале. Эта спина была её главной опорой в мире. Единственным, что не рухнуло, когда рухнуло всё остальное. Единственным, что было твёрдым, когда мир стал зыбким. Единственным, что было тёплым, когда холод проник в каждую щель её души.

Но только что она, своим даром видеть боль и её источник, упёрлась взглядом во что-то настолько большее, настолько ледяное и безликое, что её собственная душа, казалось, покрылась инеем. Это была не злоба, не ярость – эти чувства она могла понять, могла принять, могла утешить. Это был абсолютный нуль, точка, высасывающая всё тепло и смысл. Кошечей.

Это тебе не задира в подворотне, чью злобу можно обойти или утолить. Это тебе не лесной дух, чью обиду можно залечить подношением. Это – сама система обиды, её первопричина и холодный архивариус. Тот, кто не причиняет боль – он просто её учитывает. Записывает в графу «убытки».

Это – сама система обиды, её первопричина и холодный архивариус.

Она задыхалась. Не от нехватки воздуха, а от тяжести встречи. От понимания, что та Сила, против которой она неосознанно боролась, помогая каждому обиженному птенцу или потерявшемуся духу, – имеет взгляд. И этот взгляд только что заметил её.

Беседа с Левшой уже перетекла в обсуждение кинематики удара. Алия чертила пальцем в воздухе траектории – короткие, точные линии, которые гасли так же быстро, как рождались, но оставляли в сознании Левши чёткую картинку. Он, увлекшись, пытался объяснить разницу между усилием кузнечного молота и кулака, и в его жестах, в том, как он сжимал пальцы, словно держал рукоять, было что-то от мастера, показывающего ученику, как правильно держать инструмент.

– Молот – это продолжение руки, – говорил он, и его голос, обычно тихий, сейчас зазвучал увереннее. – Ты не бьёшь им, ты направляешь. Сила идёт от земли, через ноги, через спину, через плечо. А в кулаке... в кулаке нет инерции молота. Только твоя собственная масса. И если её неправильно вложить...

– Удар рассыпается, – закончила Алия, и в её голосе прозвучало то самое, почти профессиональное удовлетворение, которое она испытывала, когда находила ошибку в отчёте.

Но её периферийное зрение, отточенное необходимостью всегда держать в поле зрения все переменные, уловило движение в коридоре.

Святомир. Стоящий рядом с той самой девушкой с яшмовыми глазами. Они были в тени, у старой каменной колонны, где воздух был прохладнее и тишина – гуще. Он наклонился к ней, его могучая, обычно такая грозная фигура выражала сосредоточенное внимание, почти нежность. Его лицо, обычно суровое, замкнутое, смягчилось. Он протянул ей чарку – небольшую, из тёмного дерева, ту самую, которую всегда носил с собой, потому что верил, что вода из подземного ключа лечит лучше любого зелья. Он был добр. С ней.

В груди у Алии что-то резко и неприятно ёкнуло. Это было похоже на короткое замыкание в хорошо отлаженной логической схеме, когда одна из переменных вдруг перестаёт подчиняться ожидаемому значению. Не боль, нет – боль она бы распознала, учла, внесла в графу «убытки». Это было что-то иное: сбой в системе, которую она считала идеально выверенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.